

УДК 821.161.1

**ХРИСТИАНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТИХОТВОРЕНИЯ А.А. БЛОКА
«ТЫ ПОМНИШЬ? В НАШЕЙ БУХТЕ СОННОЙ...»**

М.Э. Парецкая

В статье рассматривается влияние православного христианства на русскую художественную литературу, анализируется взаимодействие христианского дискурса со всем сводом русской классической словесности. Подчёркивается невозможность изучения и интерпретации художественной классики без опоры на идеи и символику православия, т.к. отечественная литература в своём магистральном движении является развитием единого христианского текста. Говорится о возникшем в конце XX века литературоведческом направлении – «религиозной филологии». В качестве иллюстрации приводится анализ стихотворения Александра Блока «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...».

Ключевые слова и фразы: русская словесность; православная основа русской классики XIX и XX веков; «религиозная филология».

**THE CHRISTIAN PART OF A.A. BLOCK'S POEM
“DO YOU REMEMBER? IN OUR SLEEPY BAY...”**

M.E. Paretskaya

The article deals with the influence of Orthodox Christianity on Russian literature, the interaction between Christian discourse and Russian classical literature. As the domestic literature in its main movement is the development of the unified Christian text, it is appeared impossible to study and to interpret art classics without support on the ideas and symbols of Orthodoxy. The article also contains the information about “religious philology”, as the literary trend of late XX century. To illustrate, Alexander Blok's poem “Do You remember? In our sleepy Bay...” is analysed.

Keywords and phrases: Russian literature; Orthodoxy basis of Russian classics of the XIX and XX centuries; “religious philology”.

Христианская религия и русская классическая литература всегда находились во взаимодействии и тесной связи, поскольку христианские архетипы вошли в культуру русского этноса вместе с возникновением художественной словесности, а христианский код закрепился в культурном бессознательном носителей языка. Восточная ветвь христианства – православие – явилась основой формирования русской классики, предоставив свой духовно-реалистический опыт, нравственно-этические принципы, историографию канонизированных событий, эстетику и символику, что предопределило своеобразие художественной литературы «золотого» и «серебряного» веков. Поэтому наряду с библейскими текстами, трудами религиозных проповедников и различными сочинениями религиозно-философского характера русская словесность в своём магистральном движении может быть представлена в качестве отдельной части христианского дискурса, развивающей единый христианский

текст, так как «уже при самом своём возникновении, будучи связана с экзегетикой священных текстов, филология существовала именно как *philologia sacra*, т.е. по сути как религиозная филология» [Зырянов. URL: <http://lib2.znate.ru/docs/index-310893.html> (дата обращения – 08.08.2012)].

Исходя из сказанного, следует отметить, что отечественная литература имеет одну особенность, которая отличает её от множества других национальных литератур: акцентируется, вписывается в ткань литературного произведения православное религиозное начало; художественно осмысливается и переплетается с литературной составляющей, что способствует организации сюжета, созданию образов и неповторимому стилистическому своеобразию. Многие произведения западноевропейской литературы также отражают христианское миропонимание авторов; религиозное начало в этих произведениях также влияет на литературную составляющую; мы видим и христианские образы, и христианские мотивы, и христианские идеи («Песнь о Роланде», произведения Данте Алигьери, Кретьена де Труа, Уильяма Шекспира, Чарльза Диккенса, Ханса Кристиана Андерсена, Дж. Р. Р. Толкина, Уильяма Голдинга, Джеймса Оливера Кервуда, О. Генри и других). В результате такого слияния идеи христианства органично растворяются в классическом литературном контексте, выдвигая на первое место художественность. Подобная ненарочитость библейского начала и отсутствие сухой религиозной дидактики сделали литературу не только крайне важной для развития русской культурной мысли, но и необыкновенно интересной для читающей публики. Однако в советский период ненавязчивое христианское начало замалчивалось и серьёзно не исследовалось (в отличие от фольклорной и западноевропейской тематики, на чьи традиции также опирается отечественная словесность).

Тем не менее, религиозный философ конца XIX – первой половины XX века отец Павел Флоренский отмечал, что художественное произведение остаётся художественным только «в полноте необходимых для существования его условий, в расчёте на которые и в которых оно было порождено. Устранение части этих условий, отвод или подмена некоторых из них лишает художественное произведение его игры и жизни, искажает его и даже делает антихудожественным» [Флоренский 1996: 203]. Другие религиозные философы этого периода, например И.А. Ильин («Бессознательно – было православно все лучшее, что создала русская литература» [Ильин 2000: 387]) и Н.А. Бердяев («Темы русской литературы будут христианскими и тогда, когда в сознании своём русские писатели отступят от

христианства» [Бердяев 1990: 63]), В.В. Зеньковский, К.В. Мочульский и многие другие в своих трудах плодотворно разрабатывали проблему соотношения христианства и русской литературы, обосновывая её субконфессиональный характер. Русские и зарубежные писатели также подчёркивали эту особенность отечественной словесности. Так, Максим Горький определял отечественную литературу как «священное писание земли русской», а Томас Манн называл русскую словесность «святой русской литературой» и полагал, что она всецело опирается на христианскую, православно-религиозную традицию.

В конце XX века российское литературоведение снова обратилось к религиозной проблематике русской классики и к интерпретации её образцов с точки зрения христианского дискурса, поскольку изучение огромного пласта русской культуры – русской классической литературы – на современном этапе не мыслится без знания основ христианства, знакомства с Евангелием и святоотеческой литературой. Работы литературоведа В.А. Котельникова [Котельников 1994] положили начало концептуального обоснования связи художественной литературы с христианством. Основным научным центром, приступившем к академической разработке этой темы, стал Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН), начиная с 1994 г. учёные этого института (А.М. Любомудров, Ю.К. Герасимов, В.А. Котельников), а также исследователи других научных школ (П.Е. Бухаркин, В.Н. Захаров, И.А. Есаулов, М.М. Дунаев) внесли особый вклад в изучение связи русской литературы с православием. Их научные труды, интерпретирующие и анализирующие весь свод русской художественной классики с позиций христианства, позволили взглянуть на творчество русских писателей и поэтов под другим, нежели принято в хрестоматийной литературоведческой традиции, углом зрения.

Однако исследования такого рода вызвали среди российских учёных широкую полемику. У этого нового направления появились как активные защитники, так и не менее активные противники, расходящиеся по многим кардинальным вопросам, касающимся, прежде всего, самой постановки проблемы, а также выбора методологии для её изучения. Сегодня это научное направление стало частью этнопоэтики, получив рабочее название «религиозная филология». У религиозной филологии имеется большое преимущество герменевтического порядка, которое даёт возможность осмыслить отечественную классическую словесность на основе методологии, адекватной отечественной духовно-религиозной традиции, т.е. православному коду русской литературы.

Поэтому если понимать религию как психологию высшего порядка, затрагивающую жизнь души и духа человека, влияющую на его подсознание, сознание и сверхсознание, то весь свод русской художественной классики можно рассматривать не только в качестве особой части православного религиозного дискурса, но и как аналог христианских сочинений, оказывающих на читателя похожее духовное воздействие. А в отношении писателей и поэтов дореволюционной поры позволительно говорить о религиозном типе художественного сознания, для которого христианская духовность стала основой творческого опыта, соединяющего в себе проблемы религии и искусства. Литературная деятельность русских классиков в сочетании с развитым интеллектом, глубокой общей культурой и высоким уровнем образованности позволяет рассматривать их художественное и духовное служение на поприще литературы в качестве второй после православия «религии художественного слова» (этот термин вводится нами условно; при этом подразумевается, что деятельность русских классиков в исследуемом направлении заслуживает отдельного наименования). Скорее всего именно поэтому классическую русскую литературу принято называть «пятым» или «открытым» Евангелием.

В исследованиях современных литературоведов с христианских позиций рассмотрены произведения многих русских писателей и поэтов XVIII–XX веков. В этой статье хотелось бы остановиться на анализе произведения А.А. Блока, чьё творчество, на наш взгляд, пока достаточно не изучено в интересующем нас аспекте, хотя даже в советское время он и признавался поэтом-символистом, опирающимся на идеи русского религиозного мыслителя Владимира Соловьёва, который во многом определил направление русской философской культуры на рубеже XIX–XX веков. Знакомство с религиозно-философской и религиозно-литературной деятельностью В. Соловьёва помогло А.А. Блоку постигнуть смысл христианского мировоззрения и символически проявить его в своих произведениях. В сочинениях поэта весьма заметна одна особенность: он как будто смотрит на Землю из космоса и всё происходящее на ней описывает, находясь в высших трансфизических слоях.

В стихотворении «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...», написанном в 1911–1914 годах, Блок как истинный поэт-символист раскрывает глубинный смысл человеческого бытия через призму христианских символических обозначений.

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний подали сигнал...

Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда умчались прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.
(А.А. Блок).

В начале стихотворения говорится о воде, которая, представляя источник самой жизни, является евангельским символом утоления духовной жажды, метафорой духовной пищи и спасения: «*А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную*» (Ин. 4: 14).

Вода у Блока *зелёная*. Этот цвет в христианстве манифестирует веру, обозначает цвет креста и Святой Троицы. Зелёный – это ещё и цвет сердца, но в контексте стихотворения «зелёная» вода сопряжена с водой «сонной», а это значит, что человеческое сердце спит. Поскольку душа тесно соприкасается с сердцем, то спит и она, забыв про веру в Бога.

Далее появляются морские *суда (корабли)*, использованные автором в качестве субститутов жизни, ведь по древним представлениям людей, понятие «корабль» символически уравнивалось с понятием «человек» [Маковский 1996: 194]. В раннем христианстве корабль был тайным знаком Иисуса Христа, символизирующим безопасность среди жизненных штормов, а сами здания церквей также именовались кораблями [Тресиддер 1999: 160]. В такой связи блоковский корабль являет собой символ полученного свыше спасения и духовного перерождения человека, его перехода на более высокий уровень бытия. Суда у Блока военные, символизм «войны» подразумевает, что дело, с которым приплыли суда, «святое» и что оно поможет спящей душе проснуться.

Число четыре, употреблённое поэтом, символически представляет стабилизирующую силу религии, проявленную в форме четырёхконечного креста, заключённую в концепции четырёх райских рек, несущих бессмертие и духовную пищу, содержащуюся в эмблемах четырёх евангелистов: Матфей – человек, Марк – лев, Лука – вол, Иоанн – орёл. Четверка традиционно символизирует и самого человека: его психика рассматривается в ключе четырёх аспектов (мысль, эмоция, интуиция, чувство); это число также связано с

интеллектом человека и с объяснением всего того, что происходит с ним в реальности [Тресиддер 1999: 413].

На военных кораблях приплыли *матросы*, но это не обычные люди, а Земные ангелы – существа, отмеченные Господом, могущественные служители Света и благодетели человечества. Земные ангелы пришли к людям, чтобы распространить среди них Божественное знание, дающее исцеление их душам, недаром у людей возникают «вопросы», волнующие их целый «час». *Час*, а вернее, *время* является у индоевропейцев символом Божественного сотворения Мироздания; наряду со Словом оно представляется нерукотворным и вечным [Маковский 1996: 89]. Во все века люди символически отождествляли время с Вселенной и с творчеством создающего её Божества, с водой и землёй, с человеком и его душой, с жизнью и смертью (сном), с борьбой света и тьмы. Эти символические обозначения присутствуют в поэтическом тексте, сближаясь между собой посредством символа *час*, который в стихотворении Блока становится центральным. Поэт напоминает, что время даётся людям для осмысления своего существования и для восстановления связи с Богом через ангелов.

Ангельская сущность в тексте кодируется прилагательным «загорелые», то есть жёлто- или золотисто-коричневые. Жёлтый цвет проявляет солнечную символику золота, а золотой, в свою очередь, являясь символом Божественного начала, говорит о святости ангелов, об их чистоте и гармонии. Коричневый цвет, соединяя эти существа с земным бытием, манифестирует их отрешённость и смирение (отсюда – и коричневое облачение монахов в христианских орденах).

Пока ангелы были рядом с лирическим героем (под которым подразумевается сам автор и его собеседник), мир для него был заманчивым и интересным, но когда они исчезли, наступила *ночь*, окрашенная в чёрный цвет, символизирующий смерть, отчаяние и утраты. Иными словами, с уходом ангелов человек потерял свои духовные ориентиры и лишился поддержки, данной свыше.

Поэтому в четвёртом куплете *море* – символ познания и возрождения [Тресиддер 1999: 228] – снова стало прежним, таким, каким оно было до встречи с Высшими Силами, а жизнь опять утратила свою привлекательность. На уровне лексики эта мысль поддерживается определениями «обычный», «низкий», «последний». В отсутствие ангелов – сил, связывающих с Богом, человек впал в уныние, описанное у Блока словом «уныло». В православном христианстве уныние причисляется к одной из восьми греховных страстей

(наряду с чревоугодием, блудом, сребролюбием, гневом, печалью, тщеславием и гордыней) и определяется как недоверие Богу.

Однако посредством символа *маяк*, который ассоциируется со светом – знаком Божественности, духовного знания и наградой добродетельным христианам [Тресиддер 1999: 323], автором утверждается мысль о том, что для человека не всё потеряно и что он может вернуть своё внутреннее просветление. Поэтому именно к Богу направляет поэт лирического героя, напоминая, что все люди – его любимые *дети*. Дети представляют собой символ невинности, жизнерадостности и открытости вере, недаром Иисус говорил, что именно они смогут беспрепятственно войти в Царство Небесное (Мф. 18: 3). Следовательно, чтобы противопоставить унынию радость жизни, а маловерию – веру, душе необходимо поддерживать духовную связь с Отцом Небесным.

Такая связь проявляется в конце стихотворения через поэтическую метафору – пылинку дальних стран, символизирующую нераздельность космоса (макрокосма) и человека (микрокосма, «пылинки»). Императив «найди» призывает каждого отыскать своё место в панкосмической Божественной системе, то есть проделать ту духовную работу, которая приводит душу в объятия Создателя. В художественном тексте этот процесс кодируется через символ *туман*, несущий сверхъестественное вмешательство в жизнь людей [Тресиддер 1999: 380]. Туман у Блока состоит из разных цветов, словно радуга, являющаяся мостом между Небом и Землёй. Радуга для христиан – хорошее предзнаменование, поскольку по представлениям верующих на её вершине сидит сам Христос, помогающий душе в нелёгком духовном восхождении. Подобная аллюзия указывает на то, что лирический герой пребывает в религиозном состоянии, поэтому основная идея стихотворения может быть согласована с основной концепцией Нового завета о неразрывности Творца и отдельной человеческой души, которой следует помнить о Боге и принимать посланную помощь для обретения любви, веры и духовного совершенства.

Кроме того, анализ этого небольшого стихотворения А.А. Блока также даёт возможность сделать вывод о тесной связи литературного сочинения с идеями и символикой христианства, недаром само обращение человека к Высшим Силам в этом произведении может быть воспринято как калька Евангельской притчи о блудном сыне: «Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропал и нашёлся» (Лука 15:24), лежащей в основании христианской духовности и проявляющей образ Божьего милосердия к заблудшей душе.

Таким образом, современный этап развития литературной науки уже не сможет обойтись без анализа христианской составляющей русской художественной классики, которую следует рассматривать, прежде всего, через призму идей, постулатов и символики христианства, поскольку русская словесность в основном вышла из религии, с ней связана и выражает её глобальные и частные идеи.

Список литературы

- Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского Зарубежья. М.: Наука, 1990. 527 с.
- Зырянов О.В. О проблемно-методологическом поле религиозной филологии. URL: <http://lib2.znate.ru/docs/index-310893.html> (дата обращения: 08.08.2012).
- Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. 576 с.
- Котельников В.А. Православная аскетика и русская литература (на пути к Оптиной пустыни). СПб.: Прогресс-Плеяда, 1994. 208 с.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Избранные труды по искусству. М.: Мысль, 1996. С 199–215.

References

- Berdyayev N.A. Russkaya ideya [The Russian idea]. *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofiy posleoktyabr'skogo Zarubezh'ya [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers post-revolutionary Countries]*. M.: Nauka Publ., 1990. 527 p.
- Zyryanov O.V. O problemno-metodologicheskom pole religioznoj filologii [On problematic-methodological field of the religious literature]. Available at: <http://lib2.znate.ru/docs/index-310893.html> (accessed 08.08.2012).
- Il'in I.A. Sobr. soch.: Perepiska dvukh Ivanov (1935–1946) [Collected Works: the Correspondence of two Ivans (1935–1946)]. M.: Russian book Publ., 2000. 576 p.
- Kotel'nikov V.A. Pravoslavnaya asketika i russkaya literatura (na puti k Optinoj pustyni) [The Orthodox ascetical theology and Russian literature (on the way to the Optina Hermitage)]. SPb.: Progress The Galaxy, 1994. 208 p.
- Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages: an image of the world and worlds of images]. M.: Vlados Publ., 1996. 416 p.
- Tresidder Dzh. Slovar' simvolov [The dictionary of symbols]. M.: Fair-PRESS, 1999. 448 p.
- Florenskij P.A. Khramovoe dejstvo kak sintez iskusstv [Temple ritual as synthesis of art]. *Izbrannye trudy po iskusstvu [Selected works on art]*. M.: Mysl' Publ., 1996. Pp. 199–215.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Парецкая Марина Эдуардовна, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и массовых коммуникаций

Южный федеральный университет

Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

E-mail: marinaparetskaya@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Paretskaya Marina Eduardovna, senior lecturer at the Department of Russian as a foreign language, Institute of Philology, Journalism and Mass media

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006 Russia

E-mail: marinaparetskaya@rambler.ru